

«Постановление о защите права собственности — главный документ судебной практики 2010 года»

О самых интересных судебных спорах уходящего года и о том, как формируется единая практика по делам о защите прав собственности и владения, журналу «Арбитражная практика» рассказал адвокат-практик Алексей Анатольевич Куприянов

— **Алексей Анатольевич, какими принятыми законопроектами или решенными вопросами судебной практики запомнится 2010 год?**

— Регулирование гражданско-правовых отношений постоянно усложняется. Если посмотреть в любую справочную систему, видно, что новые законопроекты появляются практически каждый день. И сказать, что какой-либо из них запомнился особо, я не могу.

Министерства, органы исполнительной власти пытаются регулировать экономику через законотворчество, внося за год сотни проектов. Это — нонсенс!

— **Что запомнилось вам из судебной практики?**

— Основополагающим документом стало совместное постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля, которое касается защиты прав собственности.

На самом деле это первый документ, который всерьез регулирует вопросы владения. Со времен Советского Союза суды и арбитражи защищали только собственников, а с обладателями прав владения или пользования, можно сказать, не считались вообще. Только титул собственника давал реальные шансы в спорах о недвижимости.

Постановление №10/22, на мой взгляд, должно серьезно повлиять на практику. В первую очередь, оно поставило жирный крест на попытках пересмотра условий приватизации. Во вторую — приняло ярко выраженное антирейдерское направление.

Кроме того, постановление от 29 апреля запомнилось мне и потому, что там есть один пункт, который совершенно не вписывается в общую канву постановления и касается порядка определения сроков вступления в наследство. Этот непрофильный пункт возник в акте отчасти благодаря мне. Причем, как ни странно, он возник не из гражданско-правового спора, а из уголовного дела.

БИОГРАФИЯ

Куприянов Алексей Анатольевич родился 17.04.1954 в Москве. Получил два высших образования: юридическое (Московская государственная юридическая академия) и инженерно-экономическое (МИСИ). Заведует юридической фирмой «Адвокатская контора Алексея Куприянова» с 1993 года. Почетный адвокат России, почетный юрист города Москвы.

— **Не расскажете ли об этом подробнее?**

— В прошлом году я добился оправдания по делу сотрудницы Третьяковской галереи, которую обвиняли в том, что она уклонилась от уплаты налогов на проданную квартиру. То, что ясно каждому студенту, который начинает изучать налоговое право, мне пришлось полгода доказывать следователям и прокурорам. Они искренне считали, что если наследодатель умер в 2000 году, а наследник, тотчас вступивший в наследство, оформил его у нотариуса только в 2008, то право собственности у наследника возникло именно в 2008 году, в день получения свидетельства ФРС. И даже после того, как судья понял суть проблемы, мы судились еще полгода — потому что у нас «не бывает оправдательных приговоров». Сторона обвинения утверждала, что дата вступления в наследство определяется Налоговым кодексом РФ. Показать, «где там это место», они не могли. Но апеллировали к тому, что это само собой разумеется. И еще был «неубиваемый» довод, который они привели в городском суде, в кассации: «Что же нам теперь делать, когда пятнадцать подобных обвинительных приговоров уже есть, и десять дел на подходе к суду?».

Потом обсуждаемое дело попало в обобщение практики. Так происходит с каждым оправдательным приговором из-за малочисленности вердиктов подобного рода.

Тогда Верховный Суд РФ решил: бесполезно объяснять всей стране, что надо читать Гражданский кодекс РФ. Поэтому данное разъяснение необходимо закрепить в постановлении высшей судебной инстанции. И в ближайшее постановление Верховного Суда РФ включили этот совершенно нетематический пункт. И я надеюсь, что больше не будут привлекать наследников за налоговые преступления.

— **Встречались ли вам интересные дела в хозяйственных спорах?**

— Мне запомнилось выигранное дело, в котором я защищал права комитента. Он продал бизнес, и вместе с предприятием передал новому руководителю складские остатки, разбросанные по всей России. Сделка была оформлена договором комиссии.

Но во время финансового кризиса комиссионер стал говорить, что у него трудности, и почти ничего не заплатил за полученный товар. Он представил в суд бухгалтерские справки, подтверждающие, что товар не был продан, и заявил, что мой доверитель может получить его обратно.

Я утверждал, что невозможно доказать факт непроджи именно товаров комитента. Имеющиеся технологии склада и учета просто не позволяют отложить один товар в сторону и продавать свой, точно такой же. Кроме того, комиссионер не имел права не продавать товар комитента, заведомо раньше поступивший к нему. Подобное поведение было бы недобросовестным.

Также из поведения комиссионера следовало, что он товар продал. Иначе он должен был сообщить комитенту, что товар не продается, не через год, в суде, а раньше, по крайней мере, месяца через три.

Я просил суд критически отнестись к справкам комиссионера.

Благодаря этим двум основным доводам Арбитражный суд города Москвы принял мою линию защиты и взыскал сумму в полном объеме.

— **Некоторое время назад вы поделились с журналом «Арбитражная практика» критическим взглядом на закон о медиации¹. Изменилось ли ваше мнение?**

— Я по-прежнему считаю, что закон является «рамочным текстом», не дающим ответов на многие конкретные вопросы, который, тем не менее, может быть полезным в качестве имиджевой меры. Также могу сказать, что в законе есть норма, которая согласуется с недавними поправками в Арбитражный процессуальный кодекс РФ² и делает закон о медиации полезным адвокатам-практикам в повседневной работе. Эта норма — возможность отложить заседание по воле сторон на срок до 60 дней.

Часто эта возможность оказывается полезной. В моей практике был пример, когда мы и противоположная сторона постоянно просили суд откладывать заседания, ссылаясь на то, что переговоры продолжаются. Ходатайства мы подавали по очереди, и суд шел нам навстречу, видимо, из-за загруженности. Если бы суд располагал временем, он бы настоял на том, чтобы рассмотреть дело по существу и вынести вердикт. Но тогда решение не устроило бы обе стороны, потому что иск не отражал реальных правоотношений, а был формой протеста одной стороны против действий другой.

В итоге участники договорились. Я считаю этот случай победой, потому что обе стороны остались довольны.

— **С 01.11.2010 вступили в силу поправки в Арбитражный процессуальный кодекс РФ, согласно которым рассмотрение дела в апелляции стало обязательным. Как вы оцениваете это положение?**

— Я считаю это решение верным. Прецеденты Европейского Суда по правам человека и вообще мировая практика всех судебных систем говорят о том, что нужно проходить все инстанции. Это, кстати, снижает подозрения судов в коррупции: всегда кажется странным, когда противо-

положная сторона пропускает апелляцию и вдруг выигрывает дело в кассации.

Мне кажется необходимым и совершенно правильным порядок, при котором нижестоящие суды рассматривают дела до вышестоящих. Это поможет обеспечить всестороннее рассмотрение дела.

— **В этом году много обсуждался возможный запрет на представительство в арбитражных процессах лиц, не обладающим статусом адвоката. Ваше мнение по этому поводу?**

— Уровень наших юридических вузов критикуется, и будет странно, если несмотря на это все выпускники придут и получат заветное удостоверение.

Мне кажется, что сегодняшняя система вполне отвечает поставленным целям.

Изменения лоббируют крупные фирмы, которые хотят сделать адвокатуру по американскому образцу, а у нас адвокатура скорее похожа на французскую.

Я считаю, что ничего менять не надо. Требования на прием в адвокатуру можно даже ужесточить. Это важно для того, чтобы статус адвоката гарантировал высокий уровень юридической помощи.

— **Вы сказали, что отечественная система адвокатуры ближе к образцу Франции. А есть ли все же различия между системами двух стран?**

— Их система адвокатуры жестче привязывает адвокатов к конкретным судам.

Это было бы неприемлемо для нас, потому что в России возникает неравенство квалификаций, особенно в отдаленных районах, где не хватает адвокатов и принимают любого юриста, готового там работать. И если бы туда нельзя было пригласить хорошего

адвоката из Москвы или из областного центра, то это, полагаю, нарушило бы право на защиту.

— **По вашим наблюдениям, есть ли неравенство квалификаций судей в разных регионах России?**

— Поскольку мне приходится вести дела в разных арбитражных судах страны, я бы сказал, что московские суды не лучше разбираются в праве, чем периферийные. Уровень судей я считаю равномерным. Юристы посильнее, как мне кажется, мигрируют в Москву. А вот судьи иногда и в провинции выносят решение, которое в пору посчитать за диссертацию. Арбитражный суд Республики Хакасия выносит образцовые решения.

— **Можно ли назвать регионы, где, на ваш взгляд, высок уровень юристов?**

— На государственном уровне, как мы знаем, кроме Санкт-Петербурга и назвать некого. На госслужбу, как известно, только петербуржцев берут... А если серьезно, то там, где есть сильные правовые школы, там в целом уровень выше. В первую очередь, кроме столицы, это Саратов, Екатеринбург. Есть и другие.

— **Что вы хотели бы пожелать нашим читателям и вашим коллегам на будущий год?**

— Я пожелал бы всем (особенно, конечно, молодым юристам, потому что «гранды» и без меня обойдутся) то же, что и своему сыну-адвокату: каждый день читать по хорошей статье в юридическом журнале. Время на это можно найти всегда, и это обязательно принесет большую пользу. **АП**

*Беседовала: Софья Филина
Фото: Максим Симон*

1 См.: Куприянов А.А., Куприянов Ф.А. Критический взгляд на закон о медиации // Там же. № 9. С. 106–109.

2 Подробнее см.: Серегина Н.М. Новые сроки в АПК РФ: можно ускорить рассмотрение дела // Арбитражная практика. 2010. № 11. С. 24–31.